

КОНЦЕПЦИЯ БОГА ЭРОТА В ФИЛОСОФИИ РАННЕЙ СТОИ

Р. Б. ГАЛАНИН
Русская Христианская Гуманитарная Академия
mousse2006@mail.ru

RUSTAM GALANIN
The Russian Christian Academy for the Humanities (St. Petersburg)
THE DOCTRINE OF EROS IN THE EARLY STOICISM

ABSTRACT. Eros as power and desire has been traditionally considered by the Stoics within the doctrine of “things indifferent” (*adiaphora*). At the same time, the power of Eros and the factor of gender differences play a pivotal role not only in the Stoic cosmology but in the theory of education and in the social theory as well. The political philosophy of the early Stoics is also deeply rooted in the theory of Eros. The article is devoted to explaining of the concept of Eros the god and to identifying of how the early Stoic philosophy was influenced by similar conceptions of Plato’s philosophy and the doctrine of the Cynics.

KEYWORDS: rational theology, Stoicism, paideia, Eros the god.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований по проекту № 21-011-44178 “Формирование рациональной теологии в античности и раннем средневековье”. The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 21-011-44178.

Эрот и его вотчина, равно как и связанные с нею вопросы гендера, у стоиков входят в этическую категорию *ἀδιάφορα*, или *безразлично*¹: это такие действия, которые ничего не улучшают в этическом плане, но и ничего не ухудшают – т.е. как не приближают к добродетели, так и не отдаляют от нее. Безразличное является одним из аксиологических критериев оценки всего существующего наряду со злом и благом. При этом следует отметить, что

¹ Grahn-Wilder 2018, 9. Здесь – по крайней мере в теории – они пошли дальше киников, которые полагали, что эротическое стремление способно скомпрометировать киническую свободу и независимость, которые являлись высшей ценностью и путем к счастью. Именно поэтому Диоген рассматривал, например, мастурбацию как сохраняющую личную свободу панацею от эротической одержимости, которая принуждает тебя всегда зависеть от *Другого* (Cf. Boys-Stones 1998, 167).

такое тройственное деление не принадлежит самим стоикам, а, вероятно, восходит еще к Платону.² Безразличное, не имеющее отношения к конечной цели, которой является жизнь сообразно с добродетелью и разумной природой, не может быть объектом сознательного целеполагания.³ К безразличному также относится богатство, здоровье⁴, сила, власть, национальность, красота или уродство, удовольствие или страдание, и прочие социальные и антропологические переменные, которые не должны, по идее, оказывать какого либо воздействия на добродетельную жизнь. Значит, разумному человеку вроде как не следует желать всего этого, равно как не следует ему стремиться и к сексуальным связям и наслаждениями, доставляемым ими, ради них самих.⁵

Несмотря на то что безразличное – не цель сама по себе, тем не менее его можно предпочитать – например предпочитать сексуальные отношения ради создания семьи или как манифестацию любовных чувств близкому человеку, и тогда это безразличное уже приобретает пусть и не благость или злость, но по крайней мере *ценность*, которая может быть большей и меньшей, ибо строго говоря есть только два полюса: благо и зло, или добродетель и порок, а ничего нейтрального у стоиков нет.

Критерий оценки безразличного зависит от его близости к разумности природы, и чем эта близость больше, тем больший смысл есть рассматривать безразличное как *предпочтительное* и желать его, как например мы желаем здоровья, тогда как болезней – избегаем.⁶ Таким образом, эротиче-

² Gorg. 467e, Lu. 216c. То же самое находим у Ксенократа, «Все сущее есть или благо, или зло, или ни благо, ни зло» (Sext. Emp. Adv. Math. XI. 4-5). См. также: Столяров 1995, 175.

³ Столяров 1995, 175.

⁴ Интересный эпизод произошел со стоиком Дионисием из Гераклеи, которого прозвали Перебежчиком. Он испытывал постоянную глазную боль, которая в итоге усилилась настолько, что он провозгласил смыслом жизни наслаждение, переметнувшись, следовательно, к киренаикам, полагавшим то же самое, и уже не мог говорить, что страдание – безразлично (DL. VII 166-167 = фр. 422 Столяров).

⁵ В 3-ем томе *Истории сексуальности* (Забота о Себе) Фуко изобразил римских стоиков как стоиков *par excellence*, а сексуальную мораль Сенеки и Мусония Руфа, которая либо вообще отвергала эрос, либо допускала его только ради деторождения, как единственную стоическую сексуальную мораль. То, что позднестойический эрос, – это не общестойический эрос, станет очевидно из нижеизложенного.

⁶ Столяров 1995, 176-178.

ские отношения, будучи безразличными, тем не менее могут являться предпочтительными.⁷

Такое безразличие стоиков к проблеме эроса и, в свою очередь, гендера⁸ вынуждает нас внимательней взглянуть на то, как стоики понимали сам этот гендер, поскольку хоть и может возникнуть впечатление, что стоик должен быть либо сексуально индифферентен, либо, наоборот, всеяден, тем не менее вопрос гендерной дихотомии является ключевым уже в самой стоической космологии и физике, ибо отсылает он нас к вопросам начал мироздания – архэ.

Согласно стоикам, существует два начала мироздания – действующее и претерпевающее, первое – это логос, второе – бескачественное вещество. И несмотря на то, что нигде и никогда они не существуют порознь, тем не менее в рамках мысленного эксперимента мы можем все-таки их различить как оформляющий логос и оформляемую материю.⁹ Вообще говоря, гендерная терминология у стоиков, насколько можно судить по фрагментам, обычно не применялась при описании начал мироздания, а эротические образы, порою иллюстрирующие соединение космологических принципов, следует понимать как аллегории.¹⁰ Тем не менее такой христианский неоплатоник 4 в. н.э., как Халкидий, говоря о взаимодействии разума и ма-

⁷ Boys-Stones 1998, 169.

⁸ Такие понятия, как «гендер», конечно же должны употребляться применительно к античности очень аккуратно.

⁹ Тут интересно воззрения стоиков сравнить с таковыми у Аристотеля. По Аристотелю, чувственно-воспринимаемый мир представляет собой комбинацию эйдоса и хюле. Эйдос, или форма существует в материи и оформляет ее, и хоть в реальности они тоже нераздельны, но на метафизическом уровне – уровне подлинной реальности – эйдос не имеет ничего общего с материей, и оба они являются совершенно разными сущностями. Перводвижитель – форма всех форм – абсолютно свободен от какой-либо связи с материей. У стоиков же связь оформляющей пневмы и оформляемой материи столь неразрывна, что различия в материальных манифестациях сущего объясняются не различием форм, оформляющих материю и входящих в нее как бы извне, но степенью интенсивности/напряжения пневмы, пронизывающей вещество мира, т.е. тонусом души. Тонус души, в свою очередь, определяет, в частности, и телесное строение субъекта – к примеру, его брутальность или изнеженность, однако, поскольку подобные качества суть адиафора (безразличное), то они не несут никакой моральной оценки у стоиков, ибо как не отдаляют от добродетели, так и не приближают к ней.

¹⁰ Grahn-Wilder 2018, 59. Тем не менее некоторые авторы (Gasa 2003, 69-70) считают, что это вовсе не аллегории и что рождение космоса нужно понимать как реальный сексуальный акт двух разнополюх первоначал.

териального начала у стоиков, использует и активно вводит гендерную терминологию: активный разумный божественный принцип, который есть дыхание (*spiritus*) космоса, управляющее как частью материи, так и всею ею в целом, проникает внутрь нее так же, как семя проходит в тело через половые органы (*ut semen per membra genitalia*).¹¹ Материя же не активна, но пассивна, и в результате этого соития рождается божественное тело всеохватного космоса со всем, что в нем. Также хорошо известен стоический концепт сперматических логосов, которые содержатся в огненном боге и из которых и в соответствии с которым возникают все вещи в мире.¹² И подобно тому как во всем, что рождается, находится семя, так и бог этот наполняет собой космос, будучи семенем, или спермой, мироздания.¹³

Ориген рассказывает забавную историю, как Хрисипп аналогичным способом пытался аллегорически истолковать картину, которая находилась в Самосе и где была изображена Гера, осуществляющая акт фелляции Зевсу: согласно Хрисиппу, Гера – это материя, воспринимающая в себя сперматический разум божества, т.е. Зевса.¹⁴ Некоторые исследователи тем не менее полагают, что это истолкование должно быть понято не аллегорически, но вполне буквально – т.е. как некий изначальный космогонический сексуальный акт, в силу которого рожденный космос только и может пониматься как исключительно рациональный.¹⁵ И в помощь нам здесь толкования прекрасного оратора, киник и стоик, жившего в 1 в. н.э., Диона Хризостома (или Златоуста), который говорит,¹⁶ что Зевс, будучи захвачен сексуальным желанием (*ἔρωσ*) восстановления космоса, вспомнив об Афродите и о рождении... совокупляется (*μιχθεῖς*) с Герой на брачном ложе, испуская оттуда огненное семя мироздания, а затем, в результате оргазма¹⁷ превратившись во влажное семя, становится пневмой, т.е. как бы душой космоса и всех порождаемых им живых существ. Таким образом, как отмечает исследовательница данного вопроса Кэти Гака, по крайней мере ранние стоики считали, что Зевс, через свою эякуляцию, проникает в тело Геры в виде семени, в результате чего рождается разумное тело космоса, и без сексуального возбуждения Зевса не может быть трансформации бесконечного огненного разума во влажное рациональное семя конкретного существа, равно как

¹¹ Calc. *In Tim.* 292, 293. См. также, Reydamns-Schils 2020, 161.

¹² Aet. I, 7, 33 = фр. 1027 Столяров.

¹³ Cf. DL. VII 135-136

¹⁴ Contr. Cels. 48. Cf. Theoph. Ad Autol. 3.8

¹⁵ Gaca 2003, 69.

¹⁶ Oratio XXXVI, 55-57 = фр. 622 Столяров.

¹⁷ Gaca 2003, 70.

и без рецептивной роли тела Геры невозможно никакое оформление космоса.¹⁸

Следует также отметить, что и обратный процесс, т.е. событие всемирного возгорания и уничтожения, или *ἐκπύρωσις*¹⁹, также некоторыми исследователями – причем очень авторитетными, такими, например, как Яп Мансфельд, – рассматривается как всемирный оргазм Зевса.²⁰ Таким образом – все одно, что у начала мира – оргазм Зевса, что у конца мира – тоже оргазм Зевса, поскольку, согласно Хрисиппу, Зевс, или мир, «подобен человеку».²¹ Конец старого мира в известной степени совпадает с началом нового мира, ибо в конечном счете – новый мир есть практически точная копия мира ушедшего, т.е. это есть восстановление вселенной (*ἀποκατάστασις τοῦ παντός*).²²

Вернемся однако от рассуждений о богах и высших принципах обратно в людскую стихию житья и посмотрим, как устроены дела Афродиты в стоическом всемирном городе Космополисе. Несмотря на то что отношения между полами, как указывалось выше, несут на себе – по крайней мере у ранних стоиков, о которых сейчас речь, – известную печать безразличия, все же когда говорится о концепте эроса, то в жизни стоического мудреца он имеет принципиальное значение. И поскольку речь идет о греческой Стое, то это конечно же такой эрос, который возникает между мудрецом и юношей. Истоки этого эроса уходят в глубь веков и связаны с особенностями античной пайдеи, которая, по меткому выражению французского историка Анри Ирене Марру, приравнивалась к пайдерастии и представляла собой любовно-учебные отношения между эрастом и эроменом.²³ Идеалом

¹⁸ Гаса 2003, 70.

¹⁹ То, что идея очищения мира через всеожжение – не стоического, но христианского происхождения и приписана христианскими авторами стоикам постфактум, см. напр.: Mansfeld 1983.

²⁰ Mansfeld 1979, 18off.

²¹ Фр. 1064 Столяров.

²² Фр. 625 Столяров. Это понятие мы, кстати, найдем и у ап. Павла, и у христианских теологов, начиная с Климента Александрийского и Оригена, и дальше, через Григория Нисского, оно как теологумен будет порою подспудно – ибо оно неканоническое и было осуждено на Пятом вселенском соборе – присутствовать в богословских рассуждениях вплоть до наших дней.

²³ Нужно отметить, что стоики повысили возрастной порог для эромена. Если обычно кодекс афинской пайдерастии предполагал возраст эромена, который находился в диапазоне между достижением молодым человеком своего полного роста и появлением первой бороды (примерно 15 – 18 лет), то стоики предпочитали

такого эротического мудреца для стоиков был Сократ.²⁴ Такая ситуация с юношами возникла в известной степени по той причине, что идеальной манифестацией красоты в греческом обществе было молодое мужское обнаженное тело, зрительный контакт с которым вызывал в сознании философствующего старшего субъекта память о метафизической красоте и способствовал его дальнейшему философскому движению к благу вместе со своим возлюбленным – собственно, этому посвящены платоновские диалоги *Федр* и *Пир*. По словам Диогена Лаэртия, Хрисипп считал, что мудрецу стоит любить юношей, поскольку именно в их облике проявляется природная предрасположенность к добродетели, при этом такой эрос, будучи вызываем красотой, направлен не на плотское соитие, но к филии, т.е. дружбе (μη εἶναι συνουσίας, ἀλλὰ φιλίας),²⁵ поскольку эрос, согласно Хрисиппу, – это есть просто разновидность дружбы.²⁶ Или вот еще одно определение: «любовь – это попытка (ἐπιβολή) создать дружеские отношения (φιλοποῖα) с юношами (νέος) через внешнее проявление [их] красоты (пер. мой)».²⁷ Нужно отметить, что стоики вообще были очень чувствительны к красоте и разработали даже свою физиогномическую теорию, которая отчасти примыкала к уже существующей и согласно которой многие черты характера могут быть прочитаны по физической внешности.²⁸ Так, Плутарх говорит, что, согласно стоикам, если молодой человек порочен, то он и внешне безобразен, равно как и наоборот, а мудрец и внешне всегда прекрасен.²⁹ В завершение всего стоики говорят, что любовь – это вообще не дар богов.³⁰ Если, таким образом, обобщить все вышесказанное об Эроде и рассмотреть подробнее

выбирать себе эроменов старшего возраста. По сообщению Афиней (Athen. 563e), согласно Зенону, встречаться с молодыми людьми можно до 28 лет. Хрисипп (Athen. 564a) якобы считал, что эромен должен быть в том возрасте, когда он уже бреет щеки – т.е. позже, чем появление первого пушка на лице, который традиционно считался стоп сигналом для эрастов.

²⁴ Inwood 1997, 55-56. Инвуд уточняет, что эротический дискурс стоического мудреца восходит не столько даже к самому Сократу, сколько к речи Павсания в диалоге *Пир* (Inwood 1997, 57).

²⁵ DL. VII, 129 = фр. 716 Столяров.

²⁶ DL. VII, 130 = фр. 718 Столяров.

²⁷ Scholia Dionys Thrac. Bekker Anecd. Gr. p. 667 = фр. 721 Столяров

²⁸ Inwood 1997, 60. Эта физиогномика восходит к Сократу и Платону и, вероятно, к спартанской аристократической идеологии.

²⁹ Plu. *De comm. not.* 28 = фр. 719 Столяров.

³⁰ DL. VII, 130.

структуру эротического состояния, то эрос стоического мудреца будет включать следующее.³¹

1. **Влюбленность** понимается как попытка установить дружбу. Мы не должны забывать, что вообще-то мудрец находится в состоянии, которое называется ἀπάθεια и в котором нет места для πάθος, т.е. страдания, возмущения души, аффекта, страсти и т.д. Поэтому, подобно тому как и на пиру мудрец не будет упиваться до состояния лицом в салат, так и в делах любовных он всегда будет знать меру – а она у греков всегда была одна и выражалась в формуле: μηδὲν ἄγαν. Когда говорится, что любовь – это попытка создать дружбу, то это значит, что в этой попытке нет места для πάθος, что обычно случается с людьми, когда они впадают в состояние эротической одержимости. По определению Зенона, πάθος – это иррациональное движение души, противное природе.³² Другими словами, хоть к дружбе и приводит эротическая любовь, но в этой любви отсутствует πάθος, и сложно представить, что Зенон согласился бы с тем фактом, что мудрец может находиться в состоянии эроса, пребывая одновременно и в пафосе.³³ Дело в том, что, по крайней мере для Зенона и Хрисиппа, эрос в сущности не содержит в себе страстного элемента,³⁴ поэтому используется даже другая лексика, подчеркивающая момент сознательного намерения в осуществлении эротического действия ради создания конкретного типа отношений.³⁵ И это отличает ранних стоиков как от воззрений традиционной античной эротической этики, так и от поздних стоиков, которые, как Сенека и другие, будут снова рассматривать эрос как страсть, которую стоит избегать, и отбросят, таким образом, эротическую философию ранней Стои, вернувшись к более менее банальным традиционным взглядам на эрос, изложенным еще поэтами. И тут мы подходим к следующему довольно щекотливому моменту.

2. **Половой акт.** Значит ли все вышесказанное, что мудрец не совершает половые акты, т.е. не занимается сексом? Ответ: нет, не значит. Или спросим по-другому, как предлагает спросить Энтони Прайс: может ли пайдераст, который взыскует красивого молодого тела, быть одновременно и педагогом, который ищет способного юношу или девушку ради их дальнейшего воспитания и руководства в вопросах добродетели? Ответ

³¹ Cf. Nussbaum 2003, 77-80.

³² DL. VII, 110.

³³ Schofield 1991, 29.

³⁴ Gaca 2003, 60.

³⁵ Cf. Nussbaum 2003, 77. Используется греческое слово ἐπιβολή. Подробнее об этом концепте см., Schofield 1991, 29, п. 14; Inwood 1985, 232.

опять утвердительный – да, может.³⁶ Но его сексуальные и педагогические стремления могут слиться воедино только в объекте, который нуждается в обучении добродетели.³⁷ Сексуальное возбуждение стоиками приравнивается к телесным состояниям, подобным голоду или жажде, и поэтому нет ничего удивительного в том, что эрос мудреца будет сопровождаться половым возбуждением. Как пишет Марта Нуссбаум, когда мудрец считает, что ситуация является подходящей, то сексуальный акт – сам по себе безразличный, – может спокойно последовать, поскольку в данном случае он является добродетельным, ибо его совершает мудрец, знающий благо и живущий сообразно добродетели.³⁸ Это так потому, что сексуальная деятельность, как и всякая другая, у мудреца регулируется ведущей частью разумной души, которая называется ἡγεμονικόν. Этот последний в соединении с пневмой представляет собой разумное моральное сознание, которое зарождается примерно в 14 лет и через стоическое воспитание совершенствуется всю жизнь.³⁹ Именно ἡγεμονικόν осуществляет моральную оценку и дает согласия на действия, либо, наоборот, отказывается от него. Посему, как мудрец решит, так и будет правильно.

О том, что Зенон был адептом исключительно мужского эроса, говорит Афиней со ссылкой на Антигона Каристийского⁴⁰ – младшего современника Зенона, написавшего его биографию.⁴¹ А философ киник Керкид из Мегалополя, тоже младший современник Зенона и по совместительству правитель этого города и замечательный поэт,⁴² в одной из своих поэм⁴³ вводит даже специальное словосочетание «Зенонов эрос», обозначая им возвышенную однополую любовь наподобие платонической. Таким образом, с другой стороны, можно, вероятно, предположить, что о самом акте коитуса в таком виде отношений – т.е. в отношениях между мудрецом и молодым челове-

³⁶ Cf. Price 2003, 172.

³⁷ Price 2003, 172.

³⁸ Nussbaum 2003, 77; Schofield 2003, 112.

³⁹ Gaca 2003, 72.

⁴⁰ Антигон родился в Каристе на Эвбее. Побывав в Афинах и попутешествовав, он осел при дворе Аттала I в Пергаме. Основная его работа – *Преемства философов* (Διάδοχῆ τῶν φιλοσόφων), во многом основанная на личном опыте, выдержки из которой часто цитируются Афинеем и Диогеном Лаэртием.

⁴¹ Athen. XIII, 563e = фр. 247 Столяров.

⁴² Керкид был реформатор кинической поэзии, придумав жанр «мелиамбов», содержательно близких кинической диатрибе, но наполненных яркой лексикой, неологизмами, напрямую обращающихся к читателю.

⁴³ P. Oxy 1082 fr. 4.13-14. См. Schofield 1991, 45.

ком, – речи не идет, а подразумевается, вероятно, лишь то, что греки называли *διαμνησίμῳς* – т.е. интеркурральные (межбедерные) сексуальные отношения.⁴⁴ Малколм Шофилд подчеркивает, что интеркурральный секс, вероятно, Зеноном четко отличался от обычного однополого соития,⁴⁵ о котором, как и о других способах сожителства, подробно шла речь в его сочинении «Государство», как об этом и сообщает Плутрах в *Застольных беседах*.⁴⁶ Как бы там ни было, у Секста Эмпирика⁴⁷ мы находим красноречивый фрагмент из диатриб Зенона, который хоть, возможно, и не характеризует его лично, но задает дальнейшую интуицию по поводу стоического отношения к половому акту как таковому.

«Сходиться (*διαμνηρίζειν*) с мальчиками следует не больше и не меньше, чем не с мальчиками, а с женщинами – так же, как с мужчинами. Ведь то же самое приличествует и подобает и мальчикам, и не мальчикам, женщинам и мужчинам».

Таким образом 1) Зенон рассматривает однополый секс в той же проекции, что и гетеросексуальные отношения, и, как следствие, 2) мужской пол не обладает никакими преимуществами перед женским, равно как и наоборот.⁴⁸

Возможно, именно поэтому Зенон предлагал как мужчинам, так и женщинам носить одну и ту же одежду, причем таким образом, чтобы ни одна из частей тела не была полностью прикрыта – и это, вероятно, было задумано для того, чтобы было легче испытывать возбуждение от обоих полов:⁴⁹ как для мужчин, предпочитающих женщин, так и для мужчин, пытающихся

⁴⁴ Термин «интеркурральный секс» был введен в оборот Кеннетом Довером в его книге *Древнегреческая гомосексуальность* для типичной характеристики половых отношений между эрастом и эроменом. Следует отметить, что интерпретация Довером этого вопроса мягко говоря сомнительна и выводится из нескольких изображений античной керамики. В самих текстах узус глагола *διαμνηρίζειν* мы находим только в *Ar. Av.* 1254 причем для описания обычных гетеросексуальных (sic!) отношений и в одном фрагменте у Секста Эмпирика, когда он пишет о Зеноне (*Purr. hyp.* III, 245. см. ниже). Подробнее см.: Карратис 2018, 198.

⁴⁵ Schofield 1991, 44

⁴⁶ *Plu. quest. conv.* 653e.

⁴⁷ *Purr. hyp.* 245= фр. 250 Столяров.

⁴⁸ Schofield 1991, 45. У Платона в *Государстве* сословие стражей состоит как из мужчин, так и из женщин, что предполагает в первую очередь гетеросексуальные взаимные симпатии между ними, как это бывает в нормальной семье, несмотря на декларируемую общность жен. У Зенона же в *Государстве* любовь, которая, как и у Платона, является клеем общества, может быть как гетеросексуальной, так и гомосексуальной.

⁴⁹ DL. VII, 133= фр. 257 Столяров.

через внешнюю красоту других молодых мужчин, практиковать вышеуказанный философский «Зенонов эрос», а равным образом и для женщин, имеющих возможность оценить мужчину по внешнему виду.

3. **Связь красивой внешности и способности к добродетели.** Вот как рисует идеального юношу Зенон, по сообщению Климента Александрийского⁵⁰:

«Лицо пусть будет чистое, брови не опущенные, взор не заносчивый, но и не робкий, голова не запрокинутая, движения тела ладные, в своих колебаниях исполненные равного напряжения; пусть будет внимателен к тому, что сам говорит, понятлив и восприимчив к тому верному, что слышит, а манеры и походка пусть не дают надежды людям распущенным. Всего более пусть будут заметны стыдливость и мужественность. Пусть не шатается праздно по лавкам благоволий, золотых дел, шерстяным и прочим мастерским, где многие, разукрашенные подобно распутным женщинам, проводят целые дни словно у себя дома».

А что же делать тому, кто стремится к добродетели, но все же по каким-то параметрам не подходит под этот идеал красоты? Вероятно, стойки здесь имеют в виду одну понятную вещь: подобно тому как интеллект проявляется на лице, что даже и поговорка есть: «лицо обезображенное интеллектом», так и здесь, если у человека серьезно развиты моральные и интеллектуальные душевные качества, то он не может не быть привлекательным. Это в свою очередь позволяет нам перекинуть мостик между этикой и эстетикой: все эстетически прекрасное (человек, картина, роман, кино и прочее) – морально, а все моральное – эстетично.

4. **Цель – не совокупление, но дружба.** Половой акт допустим, если и только если он не является целью в себе, но имеет в виду дальнейшие отношения дружбы, которая есть не что иное, как совместное достижение добродетели. Диоген Лаэртий говорит,⁵¹ что Зенон и Хрисипп, говоря об этих вещах, ссылались на комедию Менандра *Ненавистный*, где воин по имени Фрасонид, имея в своей власти любовницу, воздерживался тем не менее от плотского соития с ней, ибо она его не любила. Таким образом, мораль этой истории в том, что сексуальный акт не следует совершать в том случае, если у вас нет дружбы с вашим сексуальным партнером.⁵² Из этого следует довольно необычный вывод, что практиковать сексуальные отношения, по крайней мере, согласно Зенону и Хрисиппу, следует только с друзьями. Но на самом деле не только с друзьями, но даже с членами семьи, что, конечно,

⁵⁰ Clem. Alex. *Paed.* III, 11, 74 = фр. 246 Столяров.

⁵¹ DL. VII, 127.

⁵² Nussbaum 2003, 79.

для наших ушей звучит совсем уж диковато. Так, Диоген Лаэртий и Секст Эмпирик передают почти что дословно слова Хрисиппа, изложенные в его сочинении *Государство*, где говорится, что можно спокойно сходить с матерями, сыновьями и дочерьми,⁵³ и что совершенно нормально, если мать будет рожать детей от сына, дочь от отца, а сестра от брата.⁵⁴ Нужно, конечно, не забывать, что Секст Эмпирик – скептик, и как таковой оппонент стоиков как догматиков, поэтому не исключено, что Секст сознательно утрирует некоторые положения стоиков, чтобы свести их *ad absurdum* и таким образом отвергнуть.⁵⁵ С другой стороны, мы не должны забывать, что эти ранние тексты стоиков могли быть – да скорее всего и были – инспирированы маргинальной эротической этикой киников, которые совершенно открыто предавались любым непотребствам прямо на улице.⁵⁶ Как бы там ни было, можно, вероятно, согласиться с Джулией Эннас, которая считала, что в раннем стоицизме происходит сопоставление норм природы и культурных установлений, и возможность принятия стоиками инцеста есть не что иное, как выраженная форма критики и протеста против существующей культуры, поскольку если существующий моральный код не имеет своего основания в природе, то для мудреца не будет большой бедой, если в определенных обстоятельствах, он будет этот код нарушать.⁵⁷

⁵³ DL. VII, 188.

⁵⁴ Sext. Emp. *Adv. Math.* XI, 192; *Pyrrh. hyp.* III, 246. А вот что пишет Филодем Гадарский в сочинении *О стоиках*, «Мальчики у них для сексуальных целей являются общими для всех. Они [кинники и стоики] практикуют сексуальные связи с собственными сестрами, матерями, кузенами, братьями и сыновьями. Нет ничего, что могло бы их удержать от совокупления – даже насилие. Женщины заигрывают с мужчинами и побуждают их к совокуплению любым способом, которым только возможно, а в случае неудачи они предлагают себя на рынке всякому, кто доступен в данный момент. Каждый сношается с первым встречным. Мужья – со служанками, а жены, покинув мужей, с кем пожелают. Женщины одеваются в ту же одежду, что и мужчины, и занимаются теми же делами, что и они, ничем от них не отличаясь. Вместе голыми они совершают забеги и тренируются в гимназиях» (Phld. *De Stoicis. PHerc.* 155. col. XIX Dorandi. Цит. по, Dowson 1992, 159)

⁵⁵ Cf. Grahn-Wilder 2020, 249

⁵⁶ Как писал Дойн Доусон в своей книге, посвященной коммунистическим утопиям античности, «Зенон Китийский был киником, который вернулся к допущениям традиционной философии» (Dawson 1992, 162). Также нужно помнить, что ранние стоики в своих политических текстах пытаются преодолеть Платона – в данном случае запрет последнего на инцест (*Rep.* 461 c).

⁵⁷ Annas 1993, 106. Сюда же, кстати, относятся и знаменитые стоические фрагменты, где говорится о поедании трупов после смерти (*Eriph. Adv. haer.* III, 39. et al.)

Таким образом, возвращаясь к эросу, если исключить из рассмотрения инцест, то представления ранних стоиков об эросе предлагают практику ответственного и взаимно дружественного сексуального поведения в масштабах всего сообщества, а не упразднение эротического опыта как страсти или ограничение сексуальной активности исключительно целями семейного воспроизводства, как мы это наблюдаем у римских стоиков, например у Сенеки и Мусония Руфа.⁵⁸

Следует еще сказать несколько слов о проституции. По словам Оригена, Хрисипп не только не осуждал людей, пользующихся услугами жриц любви, но даже доказывал, что это вообще не является ненадлежащим действием.⁵⁹ А Секст Эмпирик добавляет, что, согласно Хрисиппу, вообще можно не только без зазрения совести пользоваться услугами женщин легкого поведения, но и жить за их счет, находясь, таким образом, у них на содержании.⁶⁰ Из всего вышесказанного об эросе, переходим логично к следующему выводу, который имплицитно уже высказывался выше: **Эрос – это не только не бог, но и не дар богов**, несмотря на то, что сами божественные первосубстанции, как мы убедились, пользуются им для порождения мира, который единственно и есть бог.⁶¹ Так к чему же в конце концов может привести эрос в пространстве человеческой и божественной коммуникации? Или можно спросить, как это сделал Бой-Стоунс в своей известной статье: «Почему именно Эрос?». ⁶² Вопрос не праздный, ибо если мы посмотрим, к примеру, даже на современные Зенону Афины, то и там верховным божеством была богиня, основной характеристикой которой была разумность, тем более стоило ожидать, что стоики для своего государства изберут не столь иррациональное божество, каким традиционно мыслился Эрот. Дело в том, что в античности существовало две традиции, одна из которых – популярная и поэтическая, как уже отмечалось, – рассматривала Эроса как капризного сына Афродиты, который вводит в одержимость как богов, так и людей. Другая традиция, более философски содержательная, изображала Эроса как

и просто антропофагии (DL. VII, 188; VII, 121; Sext. Emp. *Adv. Math.* XI, 192; Theoph. *Ad Autol.* III, 5. et al.).

⁵⁸ Gaca 2003, 60.

⁵⁹ *Contra Cels.* IV, 26.

⁶⁰ *Pyrh. hyp.* IV, 26.

⁶¹ Справедливости ради, однако, нужно отметить, что Афиной (Athen. 561c) передает, что для Зенона «Эрот есть бог, приуготовляющий нас к дружбе, к согласию, даже к свободе, и ни к чему иному», и что в *Государстве* он говорит, что «Эрот – это бог, готовый способствовать благополучию города».

⁶² Boys-Stones 1998, 168.

космогоническую силу, соединяющую первостихии бытия.⁶³ Эта философская традиция, где Эрот - πρωτόγονος, родившийся из Хаоса и упорядочивший и оформивший все мироздание, установилась задолго до того, как сформировалась популярная поэтическая традиция.⁶⁴ И именно этой традиции следуют философы в своей интерпретации Эрота как любовной силы, сплочающей граждан полиса и производной от Афродиты Небесной, образцовый пример которой дал Платон.⁶⁵ И именно Платону следует в этом вопросе Зенон, чтобы при помощи Эрота построить такое стоическое сообщество, которое Майкл Шофилд назвал «The city of love» – город любви, который и есть Космополис, и главной характеристикой которого является коммунизм.⁶⁶ Этот раннестойический космополис любви, теория которого в основном изложена в *Политейе* Зенона – «самом радикальном письменном свидетельстве античности»⁶⁷ – во многом, конечно, похож на платоновское *Государство*,⁶⁸ в ответ на которое он и проектировался и коммунистические идеи которого он должен был продвинуть еще дальше.⁶⁹ И также он, вероятно, очень похож на *Государство*, автором которого был Диоген Синопский. Мы, конечно, можем спросить, к какому времени отсылает проект подобного *Государства*: является ли оно утопией, которую следует ожидать в будущем, или же это было золотое время, которое теперь навсегда кануло в лету, как полагали некоторые ученые?⁷⁰ Большинство ученых полагало, что эта утопия, как и всякие утопии, относится к неопределенному будущему. Несмотря на то что некоторые фрагменты позволяют отнести реализацию проекта либо к прогнозируемому будущему, либо к настоящему,⁷¹ нам кажется симпатичным предположение, высказанное еще Болдри, что социальный проект Зенона был задуман для времени его собственной жизни и желателен был прямо сейчас.⁷²

⁶³ Hes. *Theog.* 120. Cf. Parm. DK 13. Подробнее см., Sassi 2018, 32-60.

⁶⁴ Boys-Stones 1998, 170.

⁶⁵ Pl. *Symp.* 175c.

⁶⁶ Schofield 1991, 25.

⁶⁷ Baldry 1952, 14.

⁶⁸ Моделью платоновского *Государства* была Спарта, в то время как город Зенона теоретически выстраивался по образу кинического аскетического (или не очень аскетического) сообщества (Dowson 1992, 166). На такую модель города вполне мог повлиять кинический принцип бесстыдства (ἀναίδεια. Cf. Baldry 1959, 10).

⁶⁹ Schofield 1991, 25

⁷⁰ Pohlenz 1980, 75.

⁷¹ Cf. Phld. De Stoicis. *PHerc.* 339, 155. col. 18. 1-11 Dorandi.

⁷² Baldry 1959, 7. Cf. Wildberger 2018, 116-117.

Эрос в таком городе является политической силой, которая наполняет город и его жителей согласием, дружбой, общественной свободой,⁷³ да и самой этой любовью в конце концов.⁷⁴ Эрос – это социальный порядок, реализованный в коммунистическом сообществе, для которого характерны следующие черты, которые приводит Диоген Лаэртий со ссылкой на скептика Кассия (1 в. н.э.), о котором ничего не известно, кроме того, что он критиковал взгляды Зенона, изложенные в его *Государстве*⁷⁵: 1) Жены должны быть общими (κοινωνία γυναικῶν) и сходиться можно, с кем пожелаешь.⁷⁶ 2) Как следствие – отсутствие ревности и общие дети, которых все любят одинаково, поскольку стоическое государство – это как бы одна большая семья.⁷⁷

⁷³ Wildberger 2018, ш.

⁷⁴ Cf. Gaca 2003, 62

⁷⁵ DL. VII, 131. Взгляды эти относятся также и к Хрисиппу, который в своем сочинении *О Государстве* объяснял и защищал политические идеи Зенона (Schofield 1992, 26).

⁷⁶ Мэлин Грен-Уайлдер в своей фундаментальной работе считает, что это все никогда не задумывалось как реальный проект и даже не является утопией, но представляет собой Gedankenexperiment, который четко отделялся от практических рассуждений, реализуемых в реальной жизни (Grahm-Wilder 2020, 235-236). Я совершенно не согласен с такой позицией. Зенон здесь идет еще дальше Платона, который хоть и допускал общность жен, однако не одобрял совсем уж беспорядочного промискуитета, поскольку ради сохранения добротности социального сословия стражников и общего процветания государства «было бы нечестиво допустить беспорядочное совокупление или какие-нибудь такие дела» (*Rep.* 458e). Отбор потенциальных женихов и невест, отцов и матерей у Платона происходит по определенным правилам, чтобы лучшие мужчины сходились с лучшими женщинами и рожали лучшее потомство (459e) в период жизни, отпущенный для деторождения, который для женщин составляет от 20 до 40 лет, а у мужчин – 25 – 55 лет. После этого возраста допускается полный промискуитет, однако с запретом на деторождение. В случае же если такие дети рождаются, они подлежат уничтожению (461c). Я допускаю, что такая жестокость Платона, очарованного спартанской идеологией, возмущала Зенона и Хрисиппа, поэтому они в своих концепциях позволяют рожаться всем людям. Аристотель же вообще считал, что любая общность жен настолько сплотит государство во всеобщем единстве, что оно взорвется от внутренней имплозии (*Pol.* 1261a-b). С другой стороны, нам сейчас довольно сложно понять отношение древних греков к своим новорожденным детям (особенно девочкам), которых они часто просто оставляли в определенных местах, либо осуществляли инфантицид (например закапывали в горшках), если они рождались не вовремя, либо если не признавались отцом, либо были не того пола, который ожидал отец (Подробнее см. напр.: Patterson 1985; Haentjens 2000).

⁷⁷ Столяров 1995, 223.

3) Общность людей есть результат стремления к добродетели. Другими, согражданами и родными (οἰκεῖοι) могут быть только взыскивающие добродетели,⁷⁸ и если, к примеру, твои родители не взыскиют ее, то они враги тебе и никакие не родные.⁷⁹ 4) Отсутствие денежного обращения даже для поездок за границу,⁸⁰ поскольку отсутствует частная собственность, и все товары и услуги находятся в бесплатном распоряжении для всех.⁸¹ 5) Одежда в стиле унисекс, как уже говорилось выше, одинаковая для мужчин и женщин – поскольку между мужчиной и женщиной нет разницы, а также возможность созерцать обнаженные тела обоих полов в гимназиях⁸² во время общих спортивных занятий, на что намекает Филодем в сочинении *О стоиках*.⁸³ 6) Общий круг знаний (τὴν ἐγκύκλιον παιδείαν) не нужен, т.е. то, что мы назвали бы средним и высшим образованием объявляется вредным и ненужным.⁸⁴ И действительно, зачем нужно это знание, которое делает человека

⁷⁸ Следовательно, можно сделать вывод, что Космополис представляет собой бесклассовое общество, или, если угодно, там только один класс – честные люди (σπουδαῖοι), тогда как люди дурные (φάυλοι), с неизбежностью являются врагами и, создавая угрозу общественному согласию (ὁμόνοια), являются источником извечно-го внутригражданского конфликта (στάσις) и противостояния (Baldry 1959, 6). Следовательно, там отсутствует институт, во многом характеризовавший античный способ производства, – рабство.

⁷⁹ Как тут не вспомнить слова Христа, который говорит, «Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его (Мф. 10,34-37)».

⁸⁰ Опять отсылка к *Законам*, где Платон допускает использование денег только в случае путешествия, либо между представителями низшего класса – ремесленниками, торговцами и прочими людьми, которые используют монету для обмена или для тех, кому нужно платить жалование (*Leg.* 741e-744a).

⁸¹ В источниках об этом не говорится, но явно подразумевается (Dowson 1992, 181).

⁸² Нужно сказать, что скептик Кассий у Диогена Лаэртия говорит, что в *Государстве* Зенона нет места гимнастическим состязаниям.

⁸³ Phld. De stoicis. *PHerc.* 155. col. XIX. 17-22. Dorandi.

⁸⁴ Dowson 1992, 176. С другой стороны, есть вероятность, что Зенон (мы помним, что он писал сочинения по образованию, *О греческом воспитании*, *О слушании поэзии*, *Гомеровские вопросы*) отвергает здесь гимнастическое и мусическое (поэзия, игра на инструментах и т.д.) образование, а взамен предлагает аллегорическое изучение Гомера – опять же как антитеза Платону, который вообще изъяснял поэтов из образования своего *Государства*. Так или иначе, это должно было быть такое образование, которое подготовило бы молодежь к адекватному восприятию стоической доктрины.

только несчастным и не приводит к добродетели, когда на все ответила стоическая философия.⁸⁵ 7) Запрет на строительство храмов, поскольку бог – это Разум⁸⁶ (да и вообще, бог не в рукотворных храмах живет, как и ап. Павел говорил), отмена судопроизводства⁸⁷ (ибо если все стремятся к добродетели, то судить некого, да и всегда можно задаться вопросом Чацкого: «а судьи-то кто?»⁸⁸) 8) В космическом мегаполисе нет войны и, следовательно, армии, поскольку люди там не делятся на разные города и страны, у которых были бы разные законы и обычаи, но все подчиняются единому закону – философской конституции.⁸⁹ 9) Ну и самое главное – в государстве, где нет ни частной собственности, ни религии, ни стандартизированного образования, ни армии, ни кодифицированного права и судопроизводства, конечно же не может существовать никакого правительства и, следовательно, никакой государственной Власти, поскольку все вышеперечисленные пункты относятся к чему угодно, но только не к нормально понятому государству.

Космополис – это, конечно, никакой не Рим, Константинополь или Москва, имеющие конкретную локализацию, но агломерация множества городов и разных других видов поселений,⁹⁰ разбросанных по поверхности ойкумены, понимаемой как в планетарном масштабе, так и – уже в наше время – в межпланетном. И поскольку стоики, не делая различия между греками и варварами, рассматривали эти локальные города, образующие космос, как совершенно одинаковые, поэтому они чаще всего говорили именно не о множестве городов, но о городе в единственном числе.⁹¹

⁸⁵ Сразу приходит на ум гераклитово (DK B40) *πολυμαθίη νόον ἔχειν οὐ διδάσκει*.

⁸⁶ Cf. Epiph. *Adv. her.* 3.2.9. = SVF 1. 146, где говорится, что мы должны обретать божественность в разуме одном и его одного рассматривать как бога, ибо он – бессмертен. Сразу приходит на ум высказывание ап. Павла (*Деян.* 17), что Бог не в рукотворных храмах живет и не требует служения рук людских, как будто имеющий в чем либо нужду.

⁸⁷ Вероятно, против *Законов* Платона (Leg. 778d).

⁸⁸ Можно, конечно, сказать, что судить будут мудрецы. Однако существование мудрецов – это извечная проблема стоицизма, ибо в реальности их нет, но мы можем лишь приближаться к состоянию мудреца. Добродетель не знает степеней совершенства, ты либо добродетелен, либо нет, ибо, как говорили стоики, отстоишь ли ты от Канопы на 170 ярдов или на 20 – ты все равно не в Канопе. Cf. Ar. *Eth.Nic.* a1125, где сказано, что те, кто являются друзьями, ни сколько не нуждаются в правосудии (*φίλων μὲν ὄντων οὐδὲν δεῖ δικαιοσύνης*).

⁸⁹ Plu. *De Alex. fort.* 329 a-b.

⁹⁰ Dowson 1992, 175.

⁹¹ Dowson 1992, 175; Baldry 1959, 8.

Не будучи государством, чем же по сути своей является стоический полис? Стоическое коммунистическое, эротическое планетарное сообщество, представляющее собой единство живой, неживой, социальной, человеческой и нечеловеческой природы, – это и есть бог, а бог – это большое тело, которому, как и всякому телу, не чуждо все телесное, и человек, будучи телом, будучи частью бога, испытывает те же наслаждения, которые испытывал и бог, – по сути единый и неделимый, зачинающий сам от себя и рождающий сам из себя себя самого, зовущийся Зевсом, Космосом, Судьбой, Разумом, Добродетелью, Телом, Человеком, Полисом, Эросом.⁹²

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Столяров, А. (1995) *Стоя и Стоицизм*. Москва.
- Annas, J. (1993) *The Morality of Happiness*. Oxford University Press.
- Baldry, H. C. (1959) "Zeno's Ideal State," *The Journal of Hellenic Studies* 79, 3–15.
- Boys-Stones, G. (1998) "Eros in Government: Zeno and the Virtuous City," *The Classical Quarterly* 48. 1, 168–74.
- Dowson, D. (1992) *Cities of the Gods: Communist Utopias in Greek Thought*. Oxford University Press.
- Gaca, K. (2003) *The Making of Fornication: Eros, Ethics, and Political Reform in Greek Philosophy and Early Christianity*. University of California Press.
- Grahn-Wilder, M. (2020) *Gender and Sexuality in Stoic Philosophy*. Palgrave.
- Haentjens, A. (2000) "Reflections on Female Infanticide in the Greco-Roman World," *L'Antiquité classique* 69.1, 261–264.
- Inwood, B. (1985) *Ethics and Human Action in Early Stoicism*. Oxford University Press.
- Inwood, B. (1997) "Why Do Fools Fall in Love?," in R. Sorabji, ed. *Aristotle and After*. London: Institute of Classical Studies, 55–69.
- Kapparis, K. (2018) *Prostitution in the Ancient Greek World*. Berlin: De Gruyter.
- Mansfeld, J. (1979) "Providence and the Destruction of the Universe in Early Stoic Thought," in M.J. Vermaseren, ed. *Studies in Hellenistic Religions*. Leiden: Brill, 129–188.
- Mansfeld, J. (1983) "Resurrection Added: The Interpretatio Christiana of a Stoic Doctrine," *Vigiliae Christianae* 37. 3, 218–33.

⁹² Cf. Cornut. *Theol. gr.* 25, где сказано, «А некоторые (стоики – Г.Р.) и весь космос считают Эротом, прекрасным, внушающим любовь, и юным, и древнейшим из всего, что есть на свете. Причем в арсенале его много огня, и движение он делает стремительно, как выпущенная из лука стрела, как полет на быстрых крыльях» (пер. Позднев М.). Хотя Корнут писал в 1 в. н.э., есть веские основания полагать, что он здесь говорит именно о ранних стоиках Зеноне и Клеанфе (Boys-Stones 1998, 171).

- Nussbaum, M. (2002) "Eros and Ethical Norms: Philosophers Respond to a Cultural Dilemma," in M. C. Nussbaum and J. Sihvola, eds. *The Sleep of Reason: The Erotic Experience and Sexual Ethics in Greece and Rome*. Chicago, 55–94.
- Patterson, C. (1985) "Not Worth the Rearing': The Causes of Infant Exposure in Ancient Greece," *Transactions of the American Philological Association (1974-)*, 115, 103–123.
- Pohlenz, M. (1980) *Die Stoa: Geschichte einer geistigen Bewegung*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Price, A. (2002) "Plato, Zeno, and the Object of Love," in M. C. Nussbaum and J. Sihvola, eds. *The Sleep of Reason: The Erotic Experience and Sexual Ethics in Greece and Rome*. Chicago, 170–199.
- Sassi, M. (2018) *The Beginnings of Philosophy in Greece*. Princeton University Press.
- Schofield, M. (1991) *The Stoic Idea of the City*. The University of Chicago Press.
- Reydams-Schils, G., tr. (2020) *Calcidius on Plato's Timaeus*. Cambridge University Press.
- Wildberger, J. (2018) *The Stoics and the State. Theory – Practice – Context*. Baden-Baden.

References in Russian:

- Stolyarov, A. (1995) *Stoia i stoicism*. Moscow.